

Елена Арсеньева

Проклятая цыганка (Полина Виардо – Иван Тургенев)



Часть сборника
Женщины для вдохновения
(сборник)



Женщины для вдохновения

Елена Арсеньева

**Проклятая цыганка (Полина
Виардо – Иван Тургенев)**

«Автор»

Арсеньева Е. А.

Проклятая цыганка (Полина Виардо – Иван Тургенев) /
Е. А. Арсеньева — «Автор», — (Женщины для вдохновенья)

ISBN 5-699-09537-3

«11 апреля 1859 года в германском городке Веймаре (том самом, который навеки овеян именем Гёте) состоялась премьера оперетты «Последний колдун». Великий герцог Саксен-Веймарский, и его двор, и все общество Веймара были на представлении и рукоплескали стоя обворожительному Принцу, партию которого пела известнейшая певица Франции, и, конечно, колдуну. Его играл высокий, красивый актер с благородным челом и неискоренимым добродушием в повадках...»

ISBN 5-699-09537-3

© Арсеньева Е. А.

© Автор

Содержание

От автора	5
Конец ознакомительного фрагмента.	12

Елена Арсеньева

Проклятая цыганка

(Полина Виардо – Иван Тургенев)

От автора

Их глаза глядят со страниц романов, их смех звенит в строках стихов... Они вдохновляли поэтов и романистов. Их любили или ненавидели (такое тоже бывало!) до такой степени, что эту любовь или ненависть просто невозможно было удержать в сердце, ее непременно нужно было сделать общим достоянием. Благодаря им болезнь любви или ненависти заражала читателей. Их мало волновало, конечно, чьи коварные очи презираемы Лермонтовым, кого ревнует Пушкин, чьими страстями упивается Достоевский, чьим первым поцелуем украдкой любит Толстой, кого всю жизнь нежно обожает Тютчев и к чьим ногам слагают сердца герои Тургенева... Главное – глубина чувств, тайна, а не праздное любопытство!

Ну что ж, а мы – мы полюбопытствуем и заглянем в эту глубину, приподнимем покров этой тайны: любви или ненависти творцов к своим музам.

* * *

11 апреля 1859 года в германском городке Веймаре (том самом, который навеки овеян именем Гёте) состоялась премьера оперетты «Последний колдун». Великий герцог Саксен-Веймарский, и его двор, и все общество Веймара были на представлении и рукоплескали стоя обворожительному Принцу, партию которого пела известнейшая певица Франции, и, конечно, колдуну. Его играл высокий, красивый актер с благородным челом и неискоренимым добродушием в повадках.

– Улыбки герцога и придворных точно так же холодны, как блеск их бриллиантов, – пробормотал один из зрителей, стоявший в ложе для прессы и вяло шлепавший ладонью в ладонь. – Да, всем ясно – «Колдуна» придется опустить в могилу. Полный провал! Слышите? – спросил он своего собеседника, делая многозначительное лицо.

Тот понимающе кивнул: из партера все отчетливей доносилось шиканье «простой публики», не связанной ни светскими условностями, ни личными отношениями с великой певицей и ее благородным другом.

– Боже мой, боже мой, какое падение! – пробормотал первый журналист, презрительно разглядывая Принца. – Она впала в детство, а он покорно идет у нее на поводу...

– Посмотрите на это с другой стороны, – якобы примирительно, а на самом деле – с еще более ядовитым ехидством откликнулся другой журналист. – Музыка аранжирована самим Листом, поют лучшие голоса Франции и Германии, автор пьесы и исполнитель роли колдуна – величайший писатель нашего времени. К тому же у него недурной драматический талант... правда, нет голоса, но за сценой за него поет прекрасный бас...

– Он покорно идет у нее на поводу! – не слушая, повторил в отчаянии первый журналист. – Он сошел с ума, коли согласился написать такой вздор! Он отдал этой цыганке свою жизнь и свое состояние, она распоряжается всем этим, но он хотя бы мог распорядиться своим талантом!

И оба уехали, не дожидаясь конца спектакля, чтобы успеть дать в свои газеты разгромные рецензии на премьеру «Последнего колдуна». В них исполнители главных партий были

названы своими именами: Принц – знаменитая певица Полина Виардо, Колдун – русский писатель Иван Тургенев...

* * *

– А надо признаться, хорошо проклятая цыганка поет! – не удержавшись, выкрикнула Варвара Петровна Тургенева с мрачным, угрюмым восхищением – и воровато оглянулась, стыдясь себя и этого своего предательского, как она считала, восхищения. Конечно, только ненависть, одну только ненависть должна была бы вызывать у нее эта худосочная, сутулая, бледная, горбоносая чужеземка, которая... из-за которой...

Сегодня Варвара Петровна побывала на утреннем концерте заезжей певички, которую невесть с чего вдруг сделали примадонной Итальянской оперы в Петербурге. Послушала ее, сохраняя надменное выражение лица, удостоила не аплодисментами, а лишь пренебрежительным пожатием плеч и отбыла в свой петербургский дом. К обеду ждала любимого сына, Ивана.

Иван не приехал. Варвара Петровна обедала одна, не проронив за все время ни слова, и это ее молчание было ужаснее самой лютой ругани, и приборы издавали отчетливый звон в руках дрожащих от страха лакеев.

Конечно, сын сейчас – у нее, у этой... Слухи ходят, Иван у своей певички днюет и ночует! А ведь она замужняя дама, муж у нее тоже актер, но ради карьеры жены отступился от своей карьеры и сделался ее импресарио. Охотится вместе с Иваном, восхищается русским гостеприимством и вообще Россией, которая с таким восторгом принимает его жену... Французы отлично умеют денежки считать, в том числе и в чужих карманах! Этот актеришка мигом смекнул, что богатый и красивый русский барин с одного взгляда голову потерял из-за его жены.

Смекнул – и что? Решил пустить ее в оборот, состояние на ней нажить?

Но Иван-то... как он мог? Так себя забыть!..

Варвара Петровна обреченно покачала головой. «Забывать себя» в страсти, поддаваться внезапному, неодолимому влечению – это в крови у них, у Тургеневых. Да и у нее, урожденной Лутовиновой, – тоже в крови.

...Она всю жизнь помнила, как поздней осенью 1815 года к ней в имение вдруг заехал, спасаясь от непогоды, двадцатитрехлетний сосед Сергей Николаевич Тургенев. Конечно, Варвара Петровна понимала, что влекло его прежде всего любопытство: какова она, эта внезапно разбогатевшая наследница Спасского? Слухи об ее экстравагантных вкусах, о невероятных деньгах уже прошли по округе и привлекали гостей не только из ближних Тулы и Орла, но и из Москвы...

Ну что ж, Варвара Петровна не разочаровала заезжего гостя своим видом. Алое платье, какой-то невероятный чепчик, больше похожий на экзотический цветок... С собой, правда, не больно-то хороша, да и на семь лет старше гостя, ей уже под тридцать, зато сколько шику, сколько элегантности! А какой живой разговор ведет, как начитанна, образованна! Да, не зря говорят, что порою сам Жуковский наезжает к ней поболтать и играет в ее домашних спектаклях.

Сергей Николаевич смотрел на владелицу Спасского, ну а она... она смотрела на него. И видела перед собою не просто красивого, но поистине обворожительного человека, которому ничего не стоило вскружить голову любой женщине. Его знаменитый сын потом, спустя много лет, так опишет Сергея Николаевича Тургенева: «Отец мой был красавец... Он был очень хорош – настоящей русской красотой. Он обыкновенно держал себя холодно, неприступно, но стоило ему захотеть понравиться – и в его лице, в его манерах появлялось что-то неотразимо очаровательное. Особенно становился он таким с женщинами, которые ему нравились. Он действовал на женщин, как магнит. Был ласково-настойчив и всегда достигал того, чего никогда нельзя достичь, не зная сердца женщины».

Впрочем, эту опытность и уверенность в себе Сергей Николаевич мгновенно растерял перед холодновато-приветливой хозяйкой Спасского. Откуда ему было знать, что Варвара Петровна влюбилась в него с первого взгляда и ночь не спала, ощущая, до чего же он – близко, в соседней комнате, и гадая, как заманить его к себе: не только в постель, но и в жизнь...

Впрочем, она не зря слыла незаурядной натурой, эта бывшая затворница, нелюбимая своей родней, старая дева, а теперь богатая, разборчивая невеста! Утром она затеяла игру в карты. Смотрела на азартного гостя с тонкой, насмешливой улыбкой, которая лишала его, любимца и любителя женщин, уверенности в себе. Этой уверенности осталось еще меньше, когда Сергей Николаевич понял, что проигрывается в пух и прах. Однако остановиться не смог – ну и проигрался, конечно.

Тогда Варвара Петровна с той же тонкой улыбкой предложила простить ему долг... разумеется, в том случае, если он возьмет в придачу все Лутовиново вместе с его хозяйкою.

С нею вместе!

Итак, она сама сделала Тургеневу предложение, и ему ничего не оставалось, как его принять.

Кстати, с восторгом...

Что это было, как не мгновенная вспышка взаимной страсти? Но если Варвара Петровна загорелась на всю оставшуюся жизнь, то пламень в сердце Сергея Николаевича вскоре угас. После того как он привык к обожанию и богатству жены, она перестала для него существовать как женщина... даже учитывая, что Варвара Петровна родила ему двоих сыновей и продолжала его иступленно любить. «Мой брак бесплоден навсегда, – запишет она в своем дневнике, словно позабыв, что родила в этом браке детей, ведь для нее имело значение прежде всего не материнство, а супружество! – Вечная пропасть между моим ложем и ложем человека, имя которого я ношу...» Она не снимала браслета с портретом Сергея Николаевича, а он в это время сходил с ума от страсти к молодой княжне Екатерине Шаховской. Их сыну, Ивану Тургеневу, было пятнадцать. Он готовился к вступительным экзаменам в университет, когда семья сняла дачу в Нескучном, напротив полуразвалившегося дома, где жила обедневшая, можно сказать, обнищавшая семья Шаховских.

Победы над княжной Екатериной – этой красавицей и умницей, талантливой поэтессой (критики всерьез обсуждали ее стихи, а Варвара Петровна в письмах называла ее «поеткой», изнывала от ненависти: «Злодейка писала к нему стихами!»), бесприданницей, кокеткой – Сергей Николаевич добился легко. Уже через месяц об их бурном романе судачила вся Москва. Именно поэтому, несмотря на свой блеск, княжна Шаховская никак не могла найти жениха. Но если кто-то ожидал, что Екатерину постигнет участь всех предыдущих – весьма многочисленных! – брошенных любовниц Сергея Тургенева, тот очень сильно ошибался. Прожженный ловелас и повелитель разбитых сердец влюбился до умопомрачения. Более того, перед тем, как умереть от обострения «каменной болезни» (его жена дожила жизнь в неискоренимом убеждении, что смерть его была насильственной, а возможно, и самоубийством помешавшегося от любви человека), он начал письмо к Ивану: «Сын мой, бойся женской любви, бойся этого счастья, этой отравы...» А сын потом расскажет всю эту историю в совершенно правдивой, автобиографической («Ни слова в ней не выдуманно!» – станет уверять он) «Повести о первой любви». И разыщет на петербургском кладбище могилу княжны Екатерины Шаховской (ненадолго пережившей своего любовника, Сергея Тургенева и похороненной неподалеку от него), на которой прочтет эпитафию: «Мой друг, как прекрасно, как сладко любить! Весь мир так прекрасен, как лик совершенства!..»

Ненавидя соперницу до истерической дрожи, Варвара Петровна продолжала пылко любить мужа. Однако слишком горда она была и слишком сильно Сергей Николаевич оскорбил ее изменой, чтобы жена не попыталась отомстить ему. Вдобавок, семейная жизнь с таким страстным, обворожительным мужчиной разбудила в ней жажду плотской любви... и резуль-

татом этого стало появление в ее судьбе и постели Андрея Евстафьевича Берса. Строго говоря, этот молодой медик, сын московского аптекаря, разорившегося во время войны 1812 года, начал служить домашним доктором у супругов Тургеневых и даже сопровождал их в Париж.

Отношения у них были странные... Скорее всего, Берс не был истинно влюблен в самовластную и привередливую госпожу, но он великолепно умел внушить ей, что стораает от страсти и готов жизнь отдать за свою прекрасную даму. А именно это и нужно было тогда Варваре Петровне, чтобы почувствовать себя отмищенной, чтобы вновь ощутить вкус к жизни. «Вымуштруй же себе пса, как я вымуштровала своего, – самодовольно писала она подруге. – Он лежит у моих ног, глядит мне в глаза, целует мне руки. Любить! Любить – это так прекрасно!»

От «вымуштрованного» Берса Варвара Петровна родила дочь – вне брака родила, поэтому представляла всем Вареньку как свою воспитанницу. Варенька носила символическую фамилию Богданович – Богом данная. А отношения с Андреем Берсом продолжались... правда, однажды Варвара Петровна записала в сердцах: «Берс глуп!»

Ну конечно, он показался ей глупым, если всерьез полагал занять в ее жизни и сердце место обожаемого мужа. Конечно же, такого не случилось. Варвару Петровну влекло к Андрею Берсу лишь томление плоти. Впрочем, она была искренне благодарна этому «псу», который много лет целовал ей руки и глядел в глаза, и оставила ему по завещанию немалую сумму денег, а также выписала на его имя вексель для Вареньки.

(Заметим в скобках: как удивительно пересекаются судьбы людские! Андрей Евстафьевич Берс был любовником матери Ивана Тургенева, а его дочь Софья Андреевна станет женой Льва Толстого. Младшая же дочь, Татьяна, станет другом великого писателя – и будет любима им настолько, что именно с нее он нарисует портрет Наташи Ростовской...)

Да, что и говорить, неистовство страсти было у супругов Тургеневых в крови. И родители щедро наделили этим наследством своих детей. Старший сын, Николай Сергеевич, по гроб жизни влюбился в камеристку матери, Анну Яковлевну Шварц, лживую, распутную, скандальную (в девичьем у нее было прозвище Зажиги за умение ссорить слуг и настраивать против них барыню); прижил с нею, несмотря на ее измены, трех детей и счастья без нее не мыслил. Варвара Петровна, конечно, мучилась и лютовала, однако как бы не всерьез: сердце ее безраздельно принадлежало младшему сыну Ивану. А он вроде бы не обладал наследственным сердечным безумием и слыл среди соседей (а главное – соседок!) сущим увальнем. Варвара Петровна записывала в своем журнале-дневнике: «Я знаю его, как саму себя... Сердце у него предоброе... а страсти, страсти готовы им завладеть, и он поддается им, хотя когда бы завладели, умел бы хладнокровно их покорить... Но! – ему это трудно, и он опустил руки...»

И правда, Иван Сергеевич своего сильного, целеустремленного отца напоминал лишь отдаленно – безудержным своим очарованием, которое, впрочем, пока ни на кого не было направлено. А если он и сошелся с белошвейкой, нанятой Варварой Петровной, так что ж в этом особенного? Спасибо, хоть не с крепостной! И дитяtko родилось от этой коротенькой связи премиленькое... Ну, был мимолетно влюблен в Татьяну Александровну Бакунину («старую деву и материалистку!»), так ведь и в этом нет ничего страшного. Юнцы вечно влюбляются во взрослых дам, особенно ежели те столь же умны и красивы, как Татьяна Александровна. Опыт, бесценный опыт для ума, а не для сердца, – вот что такое был этот «идеальный роман»!

И все-таки что-то опасное чудилось матери в затаенной молчаливости «увальня». Она совершенно твердо знала, что яблочко от яблоньки недалеко падает, а потому пеняла сыну: «Иногда мне кажется, что, как первая твоя любовь натурально началась матерью, бледною, желтою, нервическою, то ты и привык любить желтеньких. Это хорошо в любовных интрижках, а жена желтенькая не очень вкусна. Тем более что видишь ее, целуешь ее без покрова шведских перчаток... Кстати, не затейся свести знакомство с актрисами в Берлине...»

Про актрис – тут Варвара Петровна как в воду глядела! А как насчет первой любви к матери? Что-то в этом было, конечно... в том смысле, что мать была по натуре владицицей,

а ее любимый сын оказался истинным рабом своей любви... по сути дела, таким же псом, о котором писала Варвара Петровна, и всю жизнь лежал у ног единственной женщины, глядел ей в глаза, целовал ей руки... Любопытная и ненарушимая вещь – детские психологические впечатления!

Знала своих детей Варвара Петровна, знала... Поэтому ее слова, произнесенные с пророческой тоской, относимы что к старшему сыну, что к младшему: «Жаль мне вас: вы не будете счастливы, вы оба однолюбцы, то есть всю жизнь будете привязаны к одной женщине».

Так и случилось...

Впрочем, даже Варвара Петровна с ее несомненным провидческим даром не могла вообразить, что роковая *привязанность* «однолюбца» Ивана будет длиться четыре десятка лет, что он даст своей возлюбленной клятву в вечной верности: «А вы будьте вполне уверены, что в тот день, когда я перестану нежно и глубоко любить вас, я перестану и существовать!» – и сдержит эту клятву.

Такое Варваре Петровне и в голову взойти не могло! И поэтому в тот дождливый петербургский денек, когда она ждала к обеду Ивана, а сын не появился, открыто предпочтя общество заезжей певички (а живет-то эта певичка в каком-то трактире и, говорят, скряга несусветная) обществу матери, которую всегда так любил, уважал, почитал, Варвара Петровна еще пыталась быть справедливой и, подавляя в себе ревность, восклицала:

– А хорошо проклятая цыганка поет!

Она как бы оправдывала сына, который так откровенно потерял вдруг голову, а про себя не переставала презрительно повторять: «Вот уж полюбится сатана пуще ясна сокола... Ну что он в ней нашел?!»

Именно этот вопрос будет задавать себе *каждый*, увидевший певицу Полину Виардо и знающий о неугасимой любви, которую питает к ней Иван Тургенев. Этот вопрос задаст себе и каждый, кто посмотрит на ее портрет. Впрочем, ни один портрет никогда не дает истинного представления о красоте женщины, потому что подлинная красота заключена не в классике черт, а в их гармонии, чаще вообще в выражении лица. Это выражение и есть очарование, которое составляет суть красоты. Тот самый огонь, мерцающий в сосуде! Поймать игру того огня, а главное – запечатлеть его на полотне почти невозможно. Более или менее передает колдовскую игру ее черных глаз портрет Неффа, где Полина изображена двадцатидвухлетней. Она уже была знаменита в это время, она уже знала себе цену... она уже привыкла к тому впечатлению, которое производит ее голос... голос сирены. А между прочим, сирены, девы-птицы, были тоже неприглядны, если не сказать больше – страшны, однако их чарам, магии их пения никто не мог противиться.

В 1843 году, когда в Петербурге устроили Итальянскую оперу и на роль примы пригласили молодую певицу Полину Виардо, не то француженку, не то испанку, не то и впрямь цыганку, знаменитый французский поэт Теофиль Готье еще не написал своего стихотворения «Кармен». Однако полное впечатление, что портрет Кармен списан им с Полины:

Она худа. Глаза как сливы;
В них уголь спрятала она;
Зловещи кос ее отливы;
Дубил ей кожу сатана!

Она дурна – вот суд соседский.
К ней льнут мужчины тем сильнее.
Есть слух, что мессу пел Толедский
Архиепископ перед ней.

У ней над шеей смугло-белой
Шиньон¹ громадный черных кос;
Она все маленькое тело,
Раздевшись, прячет в плащ волос.

Она лицом бледна, но брови
Чернеют и алеет рот;
Окрашен цветом страстной крови
Цветок багряный, красный мед!

Нет! С мавританкою подобной
Красавиц наших не сравнять!
Сиянье глаз ее способно
Пресыщенность разжечь опять.

В ее прельстительности скрыта,
Быть может, соль пучины той,
Откуда, древле, Афродита
Всплыла, прекрасной и нагой!²

В самом деле – очень похоже! В жилах Полины ведь и правда текла цыганская кровь.

Отец ее, Мануэль Гарсиа, родился в цыганском квартале Севильи, однако голос у этого цыгана был такой, что от его песен сходила с ума вся Испания. Он имел ангажемент в Париже, и сам Россини говорил с молитвенным выражением, слушая Мануэля: «Наконец-то я нашел своего певца!» Его таланту поклонялись все, кто его слышал. И не случайно крестной матерью Полины стала русская княгиня Прасковья Голицына – одна из поклонниц Мануэля, давшая его дочери свое имя.

Жена Мануэля Гарсиа, Хоакина Сичес, была актрисой. Обе их дочери и сын унаследовали и драматический талант матери, и голос отца. С самого детства они гастролировали семейной труппой, имея немалый успех: особенно в Южной Америке, где Гарсиа нажил целое состояние. В Америке же старшая дочь вышла за богача Малибран – и со временем прославила эту фамилию своим чудесным голосом.

Если голос Полины и не был от рождения столь великолепен и эффектен, как у старшей сестры, то она сделала его таким, а потом и превзошла сестру – с помощью неустанного, упорного труда, за который ей дали прозвище Муравей. Впрочем, сначала она хотела быть не певицей, а пианисткой, и в этом ее поддерживал не кто иной, как Ференц Лист, бывший ее педагогом. Однако чем дальше шло время, тем яснее становилась истина: Полина Гарсиа рождена, чтобы петь. Ее уже называли «второй Малибран», а потом, после внезапной смерти сестры, она стала первой и единственной. Она дебютировала в Париже и Брюсселе, потом отправилась с гастрольями по Германии. Затем она вышла на сцену Театра Королевы в Лондоне в партии Дездемоны – и настоящий триумф.

Восприятие Полины Гарсиа обычными людьми было таким: уродливая красота или чарующее уродство. Но голос, ах этот голос!..

В Лондоне ее услышал один из директоров Итальянской оперы в Париже – Луи Виардо. То есть он знал Полину и раньше, потому что был поклонником и другом ее сестры, роскош-

¹ Шиньон – от франц. le chignon – собранные на затылке волосы; низко уложенный пучок.

² Перевод В. Брюсова.

ной, сверкающей Малибран, но в ту пору младшая из «девочек Гарсиа» не впечатляла его. И вот тут-то он понял, что перед ним воистину – алмаз не ограненный, не отшлифованный... и задумался: а почему бы ему, Луи Виардо, не сделать бриллиант из этого алмаза?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.